

Евгений Карнович

Пан Лада и Фридрих Великий

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович
Пан Лада и Фридрих Великий
Серия «Очерки и рассказы
из старинного быта Польши»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=621825

*Карнович Е. П. Очерки и рассказы из старинного быта Польши:
Типография Ф. С. Сущинского; СПб.; 1873*

Аннотация

«Идя с патентами и столбами вдоль новой прусско-польской границы, королевские комиссары и сопровождавшие их солдаты приближались к обширному имению, расположенному на одном из пограничных ручьёв. В этом имении крестьянские хаты живописно были раскинуты под тенью развесистых лип, дубов и клёнов, за ними не в дальнем расстоянии виднелся большой замок причудливой архитектуры. Это имение и этот замок принадлежали пану Яну Ладе, потомку древнего шляхетского рода...»

Евгений Петрович Карнович Пан Лада и Фридрих Великий

см. примечание ¹

В 1772 году совершился первый раздел Польши, и вот началось межевание между новыми владельцами и Речью Посполитой. Проще всех распоряжался в этом случае король прусский Фридрих Великий. В ту часть Польши, которая при первом её дележе досталась Пруссии, было послано в каждый уезд по два комиссара; комиссары приезжали к приходскому ксёндзу и заговаривали с ним по-немецки, но как, в большей части случаев, ксёндзы не понимали по-немецки, то между ними и представителями новой власти начинался разговор на ломаном полу-польском и полу-немецком языке. В заключение разговора, ксёндз и собиравшиеся около

---

¹ Анекдот о соперничестве польского пана с знаменитым прусским королём служил не раз сюжетом и для серьёзных и для комических рассказов в польской литературе. Основой же для настоящего очерка послужил рассказ, напечатанный в издававшейся три года тому назад в Петербурге польской газете «Słowo». Со своей стороны мы изменили этот рассказ во многих частностях, стараясь приноровить его главным образом к общей цели наших очерков, а именно к ознакомлению читателей с особенностями старинного быта Польши.

него прихожане догадывались, о чём идёт дело; они под конец узнавали, что местность, посещённая пруссаками, принадлежит уже не светлейшей республике, но его величеству, королю прусскому, которому она досталась при разделе Речи Посполитой, под именем южной Пруссии.

После такого объяснения, комиссары вынимали из карманов несколько листов печатных бумаг, которые они называли королевскими патентами. Четыре экземпляра таких патентов вручались местному владельцу, четыре ксёндзу для прочтения с амвона в первое воскресенье или в первый праздничный день и для прибития к дверям костёла, и наконец ещё четыре экземпляра слуга, состоявший при комиссаре, относил в ближайшую корчму, для сообщения во всеобщее сведение.

За распоряжавшимися таким образом королевско-прусскими комиссарами, являлись прусские солдаты; они ставили на указанном комиссарами месте столбы, с прусскими чёрными орлами, и в заключение всего оставлялось у ксёндза столько экземпляров объявлений на немецком языке, сколько считалось в околотке шляхетских домов.

Излишним кажется говорить, что патенты и объявления извещали о присоединении к королевству прусскому тех местностей, в которых ставились солдатами столбы с королевскими орлами. Расставляя столбы, немцы упорно торговались с поляками, отстаивая в свою пользу каждый клочок земли. При этом, для избежания недоразумений на буду-

щее время, они старались проводить границу вдоль рек, ручьёв, болот и вообще по таким местам, где сама природа уже провела свою собственную границу. Пруссаки крепко держались такого способа размежевания; но весьма часто случалось, что земли, принадлежавшие одной и той же деревне, были расположены по обоим берегам пограничных речек и ручьёв, и так как оказывалось невозможным делить деревню, то возникало множество столкновений и споров. Ввиду этих обстоятельств, в Берлине, после разных толков и недоумений, постановили наконец правилом, что положение помещичьей усадьбы должно решать вопрос, к какому государству принадлежит всё поместье.

Идя с патентами и столбами вдоль новой прусско-польской границы, королевские комиссары и сопровождавшие их солдаты приближались к обширному имению, расположенному на одном из пограничных ручьёв. В этом имении крестьянские хаты живописно были раскинуты под тенью развесистых лип, дубов и клёнов, за ними не в дальнем расстоянии виднелся большой замок причудливой архитектуры. Это имение и этот замок принадлежали пану Яну Ладе, потомку древнего шляхетского рода.

Пану Ладе в ту пору, когда собирались навестить его прусские комиссары, было уже лет за пятьдесят, и несмотря на рану, которую ему пришлось получить в бою, сражаясь в рядах конфедератов, он крепко стоял на ногах, и не прочь был опять отправиться в поход против своих недругов. Пан Ла-

да был широкоплечий мужчина высокого роста, и отличался такой величавой и молодецкой осанкой, которой мог бы позавидовать каждый сенатор и каштелян. Пан Лада происходил из обедневшей шляхты, но ему посчастливилось жениться на внучке воеводы Серадзского; за женой он получил много богатых поместий, а в числе их и то, к которому приближались теперь неожиданные и непрошенные гости. Несмотря на богатство и отвагу, пан Лада был человек весьма добрый, обходительный, и потому во всём околотке пользовался любовью и преданностью шляхты.

Не без сильного волнения узнал пан Лада о приближении пруссаков, и волнение его обратилось в ужас, когда ему сообщили правила, которыми руководствуются при размежевании комиссары. Старый замок пана Лады стоял на прусской стороне ручья, и следовательно по силе правил, принятых в Берлине, владелец этого замка должен был перейти в пруссакам. Этой ужасной мысли никак не мог перенести пан Лада.

Известно, что ввиду близкой опасности люди бывают находчивее, нежели в ту пору, когда их ничто не пугает порядком; так было и с паном Ладой. Не ожидай он к себе в скором времени прусских комиссаров, он бы не догадался, каким способом можно отделаться от подданства Пруссии, но теперь, ввиду неминуемой опасности, вдруг озарила его голову светлая мысль.

Пан Лада поспешно собрал всех своих крестьян, дал им

заступы и лопаты, и после трудной, но непродолжительной работы, успел отвести русло ручья за свой сад. Быстрый ток, бросившийся стремглав по покатистому месту в новое узкое ложе, рвал и уносил землю, и к прибытию комиссаров, граница, за которую с таким удовольствием хватались немцы, была уже на новом месте. Шумно бежал теперь ручей не перед садом, но за садом. Находчивый шляхтич вздохнул свободно, и спокойно ожидал королевских комиссаров. Явились они в поместье пана Лады, ходили кругом да около, потолковали между собою, и затем, к общему удовольствию, вскоре удалились, поставив граничные столбы далеко за лесом, который принадлежал пану Ладе и тянулся сплошной, широкой полосой по его владениям.

Успешная сделка пана Лады с обманутыми комиссарами была отпразднована в его замке достойным образом. Множество гостей, после трёхдневных пиров, уехали от пана, жалуясь на тяжесть в голове, и не совсем отчётливо припоминая всё что им привелось видеть и слышать в доме радушного хозяина.

Оправившись от лихой выпивки с приятелями и соседями, пан Лада вдруг начал сильно хмуриться. В голове его, вместо приятного чада от токайского, стали бродить самые тяжёлые думы.

– Я радуюсь, но чему? – спрашивал сам себя пан Лада, – разве тому только, что я спасся от немцев?.. Но неужели же мне не позор принадлежать к такой бессильной, расслаблен-

ной республике? Нет! Польша не стоит меня: она не сумела удержать за собою такого гражданина, и чуть было не выдала меня немцам... Разве я заслужил подобное пренебрежение от своей родины?.. Я докажу, что я человек не дюжинный... Я знаю что сделаю...

Проговорив эти слова самым решительным голосом, пан Лада приосанился и гордо посмотрел вокруг себя, но в комнате на этот раз не было никого.

Через несколько дней разнёсся в замке слух, что скоро приедут польские комиссары для постановки пограничных столбов со стороны Речи Посполитой. Снова скликнул пан Лада всех своих крестьян, снова раздал им заступы и лопаты, и спустя несколько времени, ручей бежал по прежнему руслу. Грустно посмотрели польские комиссары на великолепное имение, отошедшее к Пруссии, и поставили столбы далеко за лугом, за орешником и песчаным холмом.

Производя постановку столбов с белыми польскими орлами, комиссары пытались было навестить пана Ладу, но вместо гостеприимного приглашения получили от него следующий ответ:

"Я перестал быть подданным Речи Посполитой и не принимаю граждан её в моём доме".

С грустью прочли этот обидный ответ прежние соотечественники пана Лады; они в раздумье покачали головами, пошали плечами, и принимая подобный ответ, как выражение скорби, перенесли обиду и постановили между собою из-

бегать на будущее время всяких сношений с паном Ладой.

После этого происшествия пан Лада видимо изменился. Из человека, прежде весёлого и общительного, он сделался суров и молчалив. Большую часть дня он сидел безвыходно у себя в комнате, а если проходил иногда через залы, то шёл мерными, медленными шагами, не обращая внимания ни на прислугу, ни на шляхтичей, живших в его замке.

Все начали перешёптываться между собою, недоумевая о причине такой быстрой перемены. Даже супруга ясновельможного пана не могла объяснить себе некоторых странностей своего сожителя, который стал смотреть на неё свысока и говорил с ней только изредка, да и то как-то важно и отрывисто.

После продолжительных совещаний и долгих колебаний, обитатели замка положили, наконец, разрешить мучившее их сомнение. Для того они избрали из своей среды старика-шляхтича, пана Онуфрия, любимца пана Лады, и поручили ему осведомиться обо всём подробно. Пять раз приближался старик к ясновельможному, пять раз раскрывал рот и пять раз, не пробормотав ни слова, отступал почтительно перед величавым взглядом пана Лады.

Все были недовольны депутатом. На него со всех сторон сыпались укоры и насмешки. Приходилось, для избежания неприятностей, действовать с большею решимостью, и старик, помолившись усердно Богу и подкрепив себя порядоч-

ной чаркой, явился снова перед сумрачным паном.

При появлении пана Онуфрия пан Лада быстро вскочил с кресел.

– Что тебе нужно от меня?.. – грозно, почти бешено закричал он.

– Простите великодушно, – проговорил запинаясь оторопелый старик, – простите великодушно, но ваша печаль, ваше одиночество беспокоит всех, кто вам предан и кто любит вас...

– А кто тебе сказал, что я печален... Напротив, мне весело, да и как ещё весело, – как никогда не бывало!.. Ну что ты смотришь на меня таким бараньим, бестолковым взглядом?..

– Я... я сомневаюсь...

– Сомневаешься! а в чём?.. Неужели же ты или кто-нибудь другой может сомневаться, что я теперь государь, что я король, ни от кого независимый?

Изумлённый пан Онуфрий разинул рот и с явным недоверием смотрел на стоявшего перед ними пана Ладу.

– Я хотел сказать... – заговорил оправившийся немного старик, – я хотел сказать, что мы очень радовались, когда увидели, что вы так искусно спасли нас от немцев.

– Ну так что же? Говори скорей!.. – крикнул нетерпеливо пан Лада.

– А теперь мы с грустью видим, что вы, надумавшись, предполагаете, по своей доброй воле, передаться пруссакам.

– Чёрт их побери! – гаркнул громовым голосом пан Ла-

да, – кто это тебе наврал, старый пустомеля?..

– Но ведь ваша милость не приняли польских комиссаров, и столбы, которые белеются теперь за орешником и песчаным холмом, ясно показывают...

– Что ты просто на просто глуп... Да, ты глуп, пан Онуфрий, – заговорил с заметным хладнокровием пан Лада, не давая вымолвить старику ни полслова. – Я хотел было сделать тебя канцлером, но вижу, что ты в этом неспособен. Убирайся с Богом... Да и все вы оставьте меня в покое и знайте только одно, что всякие перешёптывания и догадки вам строго воспрещаются... Ждите – придёт время, и узнаете то, чего теперь никак не можете понять.

Растерявшийся старик поплёлся назад: в голове его был невообразимый переполох.

Между тем пан Лада, запершись в своей комнате, всё читал и писал. Никто не смел потревожить его, кроме гайдука Игнация, который получал непосредственно от него какие-то таинственные приказания. Гайдук почти не слезал с лошади. Едва успевал он отвезти одно письмо, как должен был скакать, сломя шею, с новым посланием своего пана. Но от этого верного слуги нельзя было добиться ни слова: он всегда молчал и имел привычку раскрывать рот только тогда, когда нужно было есть или пить.

Прошло ещё несколько недель, среди тревожных ожиданий всех проживавших у пана Лады и среди постоянных его занятий писанием и чтением. Между тем из Торна и Позна-

ни, по его приглашению, явились в замок обойщики, драпировщики и разные мастеровые; в замке закипела деятельная работа, и дней через пять жилище пана Лады явилось в полном блеске. В главной зале замка стены покрылись дорогими обоями, голубого и белого цвета, а на возвышении в несколько ступеней, устланном красным сукном, поставлено великолепное золочёное кресло с пунцовой бархатною подушкою и гербом пана Лады под королевскою короною. По обеим сторонам этого кресла, на низших уступах возвышения, было поставлено двое других кресел, хотя и весьма искусной работы, но уже не столь великолепных, как среднее. Прямо перед седалищем были две резные скамьи, а остальная часть залы осталась пустою, как это принято для тронных зал.

Потолок залы украсился позолотой и разными лепными фигурами и изображениями, служащими символами для означения верховной власти и разных царственных добродетелей. На стенах залы были развешаны гербы тех благородных фамилий, с которыми была в родстве фамилия пана Лады, а по бокам возвышения, как эмблема могущества и силы, были поставлены военные трофеи и рыцарские доспехи.

Наружность замка тоже подновилась; на фасадах его явилось много фигур и изображений, сходных с теми, которые были помещены на потолке парадной залы; над главным подъездом замка был прибит огромный гербовый щит под королевскою короною, а на самой возвышенной точке кров-

ли, на высоком древке, величественно развевался огромный флаг с гербовыми цветами пана Лады, белым и голубым.

Все работы, как внутри, так и снаружи замка, производились с чрезвычайною поспешностью, под надзором самого пана, но никто, даже проницательный капеллан пана Лады, не мог угадать цель этих необыкновенных приготовлений.

Когда замок был совсем отделан и убран, то накануне праздника рождества Богородицы стали являться к пану Ладе гости, приглашённые им через письма, развезённые Игнацием.

Великолепные новомодные экипажи, старинные рыдваны и колымаги, тележки и повозки постоянно подъезжали к главному крыльцу замка; тут же останавливались и приезжавшие верхом в гости. Пан Лада радушно встречал гостей, и сообразно с важностью каждого из них приказывал отводить помещение или во флигеле или в крестьянской избе. Затем, когда по проверке списков все приглашённые оказались налицо, гости, по особому зову хозяина, собрались в назначенному времени в праздничных нарядах в главной зале замка, и там с нетерпением ожидали развязки непонятных для них затей.

Появление пана Лады положило конец мучительному ожиданию.

Двери залы широко распахнулись на обе половинки, и в дверях показался хозяин. На голове у пана Лады была дорогая меховая шапка с цаплиным пером, пристёгнутым боль-

шою бриллиантовой запонкой; одет он был в кунтуш из бархата пурпурового цвета с золотым поясом, на котором висела кривая сабля, осыпанная драгоценными камнями. Но в глаза гостей не столько бросался этот великолепный наряд хозяина, сколько его повелительный вид и величественная осанка.

Пан Лада вёл под руку свою жену; её роскошный наряд и блеск дорогих камней и яркая белизна жемчуга ещё резче выставляли смущение скромной женщины. Видно было, что она смиренно подчинилась воле своего мужа, но что сердце её как будто предчувствовало что-то недоброе. С выражением грусти и сдержанного ужаса смотрела она на всё, что окружало её теперь, и как будто хотела спросить: что же всё это значит, в чему все эти приготовления? За паном Ладой и его женой шёл их сын, прехорошенький десятилетний мальчик, единственный наследник имени, славы и богатства своих родителей; он был одет в дорогой венгерский костюм.

При появлении пана Лады мгновенно смолкнул говор присутствующих. Он медленным шагом прошёл мимо изумлённой и онемевшей толпы, поднялся на возвышение, и поставив подле себя с одной стороны жену, а с другой сына, приподнял немного свою шапку, в знак поклона, и громко произнёс следующую речь:

"При новом разграничении Польши и Бранденбурга, оба эти государства обошли мои владения, как это ясно показывают пограничные столбы, расставленные и прусскими, и

польскими комиссарами. Таким образом, земли мои остались независимыми!.. Вознося благодарственную молитву Господу за явленную его к нам милость, мы, Ян Капистран Идзий I, обещаемся употребить все усилия, чтобы доказать миру, что простой некогда шляхтич Ян Лада, по гербу, впрочем, не хуже Понятовских, сумеет править подвластными ему, хотя не многочисленными, но зато храбрыми, вверенными ему Богом народами!.. Мы не оставим границ наших владений без обороны, казны без денег и законов без исполнения и опоры.

Я учреждаю отныне отдельную державу под наследственным правлением моего дома. Кто захочет споспешествовать новому государству и остаться в его пределах, тот пусть громко изъяснит своё желание... Будьте уверены, что со временем, когда всё устроится как следует, ни один благонамеренный гражданин и ни один истинно-храбрый воин не будут скучать в тесных, по-видимому, границах моей державы.

Законы и конституция уже готовы, остаётся только присягнуть им. Должности военные, гражданские и придворные уже учреждены и ожидают только достойных кандидатов. Теперь же, братья-шляхта, предлагаем вам объявить ваше мнение: кто со мной, тот пусть остаётся, а тот, кто хочет служить республике, тот пусть скорее убирается из моих владений".

Речь эта произвела странное впечатление на слушателей.

Одни из них во всё время, пока говорил пан Лада, стояли разинув рот и вытаращив глаза, другие почёсывали затылки, третьи потирали лбы, четвёртые легонько откашливались, и хотя каждый из гостей ещё заранее ожидал чего-то необыкновенного, но то что они теперь услышали далеко превзошло все ожидания.

По окончании речи, гости зашумели; они принялись с жаром толковать между собою о сделанном им предложении, и так как все чрезвычайно любили пана Ладу, как доброго соседа, и так как смелость его понравилась, то после непродолжительных совещаний общий шум и говор слились в единодушный, со всех сторон раздавшийся крик: "да здравствует пан Лада!"

Увидев, что дело с первого раза идёт удачно, пан Лада, приветливо поклонившись своим новым подданным, величественно поместился на троне, посадив на стоявших по бокам его креслах жену и сына, и когда, по данному им знаку, всё смолкло, он заговорил снова:

"Итак, пусть по единодушному желанию, изъявленному предстоящими здесь моими соотечественниками, начнётся отныне благополучное наше царствование. Грамоты на должности уже готовы, нужно только вписать в них имена и фамилии назначенных мною лиц".

– Вы, отче, – сказал пан Лада, обращаясь к ксёндзу, – займёте должность канцлера.

Ксёндз осмотрелся, и видя со всех сторон одобрительный

взгляд, почтительно поклонился новому государю и отошёл к указанному ему месту.

– Вы, пан Балтазар, будете моим государственным казначеем, – проговорил пан Лада, смотря на шляхтича Годзембу.

Шляхтич покраснел от удовольствия и, низко поклонившись пану Ладе, отошёл в сторону и занял место подле канцлера.

– Вам, Якуб Наленч, вверяется гетманская булава, – произнёс торжественно пан Лада, и тот, к кому относились эти слова, последовал примеру канцлера и казначея, а между тем новый повелитель продолжал:

"В большом числе сановников мы пока не нуждаемся, и жезл нашего придворного маршала остаётся в руках пана Онуфрия Побоча. Учреждаем, впрочем, новую должность с титулом оберегателя государственных наших границ, и поручаем её племяннику нашему, пану Юзефу. Обязанность его будет заключаться в неусыпном надзоре за целостью и неприкосновенностью границ и во внимательном наблюдении, чтобы в пределы наши не допускались люди вредных правил и еретики, то есть немецкая саранча из-за Одера.

Завтра, после торжественной службы в честь Пресвятой Богородицы, мы расставим наши пограничные столбы, дабы каждый из соседей наших знал наши пределы и почитал бы в нас коронованную особу. Но так как, по этому случаю, двор наш должен будет явиться в полном блеске, то мы повелеваем нашему канцлеру раздать всем надлежащие грамоты, а

казначею нашему – выплатить вперёд месячное жалование по утверждённым нами окладам.

В заключение приглашаем вас, благородные гости, разделить с нами наш королевский пир".

Окончив эту речь, пан Лада встал с своего седалища при громких криках: "Да здравствует король!" Затем гости, предшествоваемые державным хозяином, отправились в залы, где были накрыты столы. Много в этот день было съедено, а ещё более выпито, как гостями, так и сановниками нового королевства.

На другой день происходило в Ладове, по особому церемониалу, поставление пограничных столбов. Торжественное шествие сопровождали два отряда: один конный, состоявший из сорока человек шляхтичей, а другой пехотный, состоявший из шестидесяти крестьян, вооружённых алебардами и пиками.

Гимн, пропетый перед статуей Богородицы, стоявшей на каменном столбе при въезде во владения пана Лады, завершил торжество этого дня, с которого и положено было считать воцарение в Ладове короля Яна Капистрана Идзия I.

Вскоре весть о проделках пана Лады разнеслась во все стороны. Одни подсмеивались над ним, считая его за самодура, другие же, напротив, хвалили его смелость и решительность. Короче, о нём шли самые разноречивые толки. Впрочем, так как новый владелец был богат, щедр, обходителен и госте-

приимен, то замок его не оставался пустым, и во владения его со всех сторон густыми толпами валили новые граждане. Пыры в Ладове не прекращались.

Что же касается соседних государств, то отношения их к новому королевству были неодинаковы. Польше, обуреваемой в то время внутренними смутами и угрожаемой извне соседями, некогда было обращать внимания на отпадение пана Лады от Речи Посполитой, но аккуратные немцы посмотрели на поступок польского пана несколько иначе, и тогда как в Варшаве, при дворе Понятовского, кроме самого короля, подсмеивались над Ладой, как над чудачком, в Берлине, при дворе великого Фридриха, толковали о нём очень серьёзно и методически обсуждали последствия подобных поступков. Прусское правительство придавало действиям пана Лады характер государственной измены и не было вовсе намерено выпустить из своих рук превосходное его имение.

Вследствие всех этих политических и финансовых соображений, к пану Ладе послано было объявление, предлагавшее ему уплатить, без малейшего сопротивления, в окружную королевскую кассу всевозможные подати и налоги: подушные, дорожные, речные, лесные, трубные и т. д.

Нешуточное требование Пруссии заставило опомниться пана Ладу; он как будто очнулся от неприятного сна, все его мечтания о независимости разлетелись в прах при виде бумаги, запечатанной печатью с прусским орлом. Но такое состояние духа продолжалось самое короткое время. Пан Лада

скоро оправился и в пылу негодования велел, к общему удовольствию своих гостей, затравить гончими пруссака, доставившего ему объявление.

Такое самоволие пана Лады должно было накликать на него со стороны Пруссии грозную расправу. И действительно, через несколько дней после травли чиновника, оберегатель границ, пан Юзеф, известил своего царственного дядю, что во владения его идут двадцать человек пехоты и столько же конницы в зелёных бранденбургских мундирах, с красными отворотами и такими же отложными воротниками, в низеньких треуголках, белых чулках, башмаках и с напудренными косами. Посмеялся пан Лада над нарядом своих недругов, но на деле они были для него опасны. Он положил действовать решительно, и собрав десять человек вооружённой шляхты, принял над ними начальство и смело двинулся против приближавшихся пудренных бранденбуржцев.

Пан Онуфрий, высланный к приближавшимся пруссакам в качестве парламентёра, добился наконец от немцев объяснения, что войско, вторгнувшееся во владения пана Лады, имеет предписание арестовать его за неуважение к королевскому чиновнику и за разные другие самовольные поступки, совершённые им в противность прусских узаконений. С трудом выслушал пан Лада эту весть; он кипел от сильного гнева и вместо ответа бросился прямо с своим небольшим отрядом на неприготовившегося к отпору и озадаченного неприятеля. Немцы не выдержали быстрого натиска и

показали свои белые косы. В это же время, на подкреплении пану Ладе подоспело окольными путями несколько вооружённых шляхтичей. Появление их в тылу немецкого отряда было как нельзя более кстати. Пруссаки, считая себя окружёнными со всех сторон, сдались все военнопленными, и только один капрал, благодаря быстроте своего коня, мог принести на родину печальную весть о поражении и плене своих ратных товарищей.

После этой блистательной победы начались в замке пана Лады шумные празднества, но торжество победителей было весьма непродолжительно, потому что, спустя один день, пан Юзеф снова известил своего дядю, что на него наступают пруссаки, и что теперь их уже гораздо более, нежели в первый раз.

Призадумался сначала пан Лада при получении этой вести, но потом вскоре оправился и собрал на военный совет всю находившуюся в его замке шляхту. В то же время он разослал гонцов во все стороны Речи Посполитой, с извещением о том, что с ним случилось, и с приглашением панов-братий подать помощь. Между тем крестьяне принялись работать над возведением укреплений; они копали рвы, устраивали западни и волчьи ямы, перекапывали дорогу, огораживали иные места засеками и тыном, и после трёхдневной работы пан Лада укрепился довольно прочно.

Все эти приготовления были не напрасны. После пятидневного томительного ожидания, на большой дороге,

пролежавшей в владениях пана Лады, показался со стороны Пруссии огромный столб пыли. Передовые стражники немедленно известили об этом пана Ладу, который дал приказание – взять оружие и занять каждому своё место. Приказания эти были исполнены в такой тишине и в таком порядке, что когда прусский отряд, состоявший на этот раз уже из двухсот человек кавалерии и пехоты, вышел из лесу на поляну, то всё было кругом так тихо и спокойно, как будто жители, испуганные приближением храбрых прусских войск, разбежались во все стороны.

С полным сознанием своего превосходства двигался вперёд неприятель и без особых предосторожностей вступил на ту местность, где были устроены западни, волчьи ямы и завалы. Но каково же было его изумление, когда вдруг со всех сторон раздался страшный гик, загремели ружейные выстрелы, разверзлись закрытые дотоле ямы и рвы, и отряд увидел себя лишённым всякой возможности к отступлению! И опять только несколько человек, составлявших арьергард прусского отряда, спаслись бегством, чтобы принести в Пруссию весть о новом поражении...

Между тем в деревне завязалась отчаянная борьба, которая, впрочем, длилась не долго. Пруссаки, стеснённые в узких проходах, не имели возможности развернуть правильно свои силы против хорошо прикрытого неприятеля. Бой кончился тем, что пруссаки сдались в плен.

Пленных заперли в амбар, и после шумных совещаний о

том, что с ними делать, постановили: перевязать их по четыре человека и переслать, в виде подарка, Речи Посполитой. На этом в особенности настаивал пан Лада, желая подражать таким образом славному победителю турок – Яну Собескому, приславшему в подарок Польше турецких пленников.

К счастью пана Лады пруссаки в эту пору не имели под рукою достаточного числа войск: приходилось стягивать отряды с разных сторон, и этим обстоятельством, как нельзя лучше, воспользовался ладовский повелитель. Пруссаки торопились, но не медлил и их противник.

Известив немедленно всю окрестную шляхту о случившемся, пан Лада встретил в своих собратях полное сочувствие. Все шляхтичи, сидевшие по случаю мира у себя дома, и все крестьяне, свободные в эту пору от сельских занятий, повалили на защиту нового государства, а окрестные паны прислали в Ладовский замок необходимый провиант и фураж.

Вскоре пан Лада увидел в своём распоряжении значительные силы. Большая часть его защитников были люди самые решительные, не раз уже окуренные порохом в битвах. Предводитель их воспользовался всем этим.

Получив самые точные сведения о числе прусского отряда, назначенного для усмирения непокорных, пан Лада собрал военный совет, и на этом совете единогласно было положено – дать отпор прусскому войску. Здесь же было сообщено, что ожидать в деревне неприятеля, имеющего с со-

бою артиллерию, не следует; и вообще встретиться с ним на территории Ладовского королевства признано было неудобным, потому что в этом случае можно было подвергнуть разорению свои земли. Но к этим стратегическим соображениям присоединились ещё особые политические расчёты: до сих пор все действия пана Лады могли быть оправданы – он только оборонялся от наступавших на него врагов; нападение же на прусские земли было бы равносильно объявлению войны, и такой образ действий нельзя было оправдать. Подобное нашествие отнесено было бы к политике Речи Посполитой, и пан Лада мог бы лишиться покровительства Польши, на которое он, хотя весьма слабо, но всё же рассчитывал в крайнем случае.

Сообразив всё это, военный совет постановил принять бой с пруссаками во владениях, независимых от польского королевства, а чтоб ввести своих противников в заблуждение, пан Лада отослал свою жену и всех женщин, проживавших в его государстве, в свои польские поместья и, рассыпав свои войска по окрестным лесам, распустил слух, будто бы вся окольная шляхта разбежалась, испугавшись немецкого нашествия.

Молва об этом была, конечно, доведена до отряда прусских войск, кочевавшего вблизи ладовских владений и готовившегося с рассветом перейти их границу. Между тем, ловкий и смелый лазутчик пана Лады, переодевшись угольщиком, успел проникнуть в прусский лагерь, осведомился хо-

рошенько о неприятельских силах и возвратившись ночью домой представил обо всём виденном и слышанном самый подробный отчёт. Полученные сведения придали обороняющимся ещё более смелости; правда, прусский отряд состоял теперь из двух тысяч пехоты и конницы, и имел при себе четыре пушки, но зато солдаты, по рассказам лазутчика, были люди старые, неповоротливые, и казались весьма не бойкими.

Всю ночь провёл пан Лада в объезде своих отрядов, расставленных по сторонам дороги, проходившей почти целую милю через густой лес. С наступлением утра, лёгкий свист, передаваясь от поста к посту, дал знать, что неприятель тронулся с своей ночной стоянки. Утро было туманное и это обстоятельство весьма много способствовало удачной засаде, устроенной против пруссаков.

С громким барабанным боем и при звуках труб двигался вперёд прусский отряд, и вскоре остановился возле леса. Высланный вперёд конный разъезд прошёл беспрепятственно тесную дорогу. Дойдя до деревни, он сделал несколько выстрелов и возвратившись к отряду объявил, что дорога свободна, а деревня не имеет никакой обороны. Получив это известие, пруссаки смело, в боевом порядке, тронулись вперёд; за передовым отрядом конницы, с торжественной медленностью двинулась артиллерия, прикрываемая со всех сторон пехотою.

Едва только пруссаки вышли на середину лесной дороги,

как пан Лада выстрелом из небольшой мортиры подал сигнал к нападению. Неприятель с ужасом увидел, что лес, до того времени безмолвный, как будто ожил: ветви затрещали, мох зашевелился, раскрылись кусты терновника, отовсюду засвистали пули и раздались ободрительные крики; трескотня ружейных выстрелов озадачила пруссаков.

Генерал, командовавший прусскими войсками, принадлежал к числу людей слишком самоуверенных; он никак не воображал, чтобы предводительствуемому им отряду могло сопротивляться войско пана Лады. Увидя себя окружённым со всех сторон в лесной тесноте, он перестал думать о лёгкой победе, и дал приказание отступить, но отступление уже было отрезано, а между тем, к ужасу пруссаков, зашатались и начали валиться на них громадные сосны, сверкнул огонь, показалось пламя и смолистый дым понёсся густыми клубами в глаза прусским солдатам. После самого непродолжительного неровного боя, пруссаки бросились в беспорядке бежать; а небольшое число их, успевшее кое-как выбиться из лесу, начало строиться на поляне. Едва пан Лада завидел это, как по приказанию его отряд конной шляхты, выскочив из засады, смял противников и тем окончательно довершил победу.

Теперь пан Лада чувствовал себя вправе отплатить пруссакам за нападение нападением, и потому стал преследовать бегущих на их собственной земле. Победитель напал на ближние местечки, забрал прусские кассы, и после трёх-

дневного похода возвратился в свои владения, где ему была приготовлена торжественная встреча.

Гордо поднял теперь голову пан Лада, а между тем шум пиров не умолкал в Ладове, и каждый день прибывали туда новые охотники. Обнадёженный этой поддержкой, Лада хотел воспользоваться зимним временем и предпринять наступательное движение на Пруссию. Пан Лада горячился и надеялся, а рассудительный канцлер советовал своему государю пустить ручей по новому руслу и признать над собою власть Речи Посполитой. Сердце отважного короля шляхтича испытывало при этих советах жесточайшее искушение: с одной стороны, привязанность к родине заставляла его соглашаться с советом своего канцлера, а с другой стороны, честолюбие шептало ему о королевском сане.

Надобно сказать, что прусский генерал, командовавший войском против пана Лады, был, как почти все люди самонадеянные, человек способностей весьма посредственных, хотя и слыл человеком учёным. Претерпев поражение и не находя средств поправить неудачу, он, чтобы избежать королевского гнева, поскакал в Берлин, намереваясь предупредить вести о своём поражении и представив войско пана Лады в преувеличенном виде, выпросить себе более сильный отряд для наказания мятежников.

На пятый день генерал был уже в Берлине.

В это время Фридрих Великий, исполнив часть своих по-

литических планов, отдыхал на лаврах в государстве, прославленном его гением и множеством побед. В то время, когда, окружённый учёными и философами, которые со всех сторон стремились к его двору, король беседовал о какой-то головоломной философской задаче, дежурный камергер доложил его величеству о прибытии генерала из области, взятой у Польши. Король велел немедленно пригласить его в себе. Явившись к государю, военачальник выразил желание поговорить с его величеством наедине, но Фридрих, не подозревая ничего особенного, приказал генералу начать доклад о его подвигах в присутствии всех.

Заминаясь, робким голосом, начал генерал реляцию о своих военных действиях. Король, сдвинув брови, внимательно слушал его, не прерывая ни на одном слове.

Генерал кончил. Наступило глубокое молчание. Как ни прикрашивал генерал своё донесение, но король ясно видел, в чём заключалось дело. Он насупился более прежнего и грозно взглянул на лживого рассказчика. Генерал побледнел, и все ожидали, что король, в справедливом гневе, примерно накажет генерала и за опрометчивость, и за ложь. Но общие ожидания не оправдались. Лицо короля вдруг приняло приветливое выражение; он медленно поднялся с кресел, запустил пальцы в карман своего коричневого камзола, где находился нюхательный табак, втянул в нос хорошую дозу и, остановившись перед генералом, полунасмешливо и полуласково спросил его:

– Чего же вы теперь от меня желаете?

Ободрённый таким неожиданным исходом дела, генерал видимо расхрабрился.

– Ваше величество! – проговорил он энергичным голосом. – Я желаю получить от вас войско; я пойду уничтожить скопище разбойников и кровью смою обиду, нанесённую победоносным знамёнам вашего величества.

– Всё это весьма похвально, – хладнокровно заметил Фридрих, – но ведь вы уже имели войско, – где же оно?.. Если же дать вам другое, то без всякого сомнения и его постигнет та же самая участь... Нет, любезный мой генерал, я вам войска не дам, но вы отправитесь одни к этому непокорному шляхтичу... Понимаете?

– Понимаю, – проговорил невнятно генерал, под влиянием нашедшего на него столбняка.

– Вы овладеете Ладовым и его жителями одни, без войска; я не дам вам для этого ни одного солдата. Понимаете?

Генерал растерялся в конец, и почти что прошептал:

– Нет, этого я не понимаю...

– Потому вы этого не понимаете, что у вас не развиты все способности, необходимые, чтоб быть толковым и догадливым человеком... Явитесь завтра утром ко мне, я вам сообщу инструкцию, с которой вы отправитесь немедленно, а теперь отдайте коменданту вашу шпагу, а сами потрудитесь переночевать на гауптвахте.

Генерал почтительно поклонился королю и вышел из за-

лы, а король возвратился к прерванной беседе. Поздно вечером оставил Фридрих своё любимое общество и заперся в кабинете. Над чем трудился в это время король, неизвестно; известно только, что когда утром явился к нему арестованный генерал, то Фридрих дал ему словесную инструкцию и вручил письмо с адресом: Яну Капистрану, королю в Ладове, троекратному победителю моих войск.

Озадаченный генерал прямо из дворца поскакал в Ладов.

Воинственность пана Лады нисколько не уменьшилась, и зимний поход в Пруссию был его заветною мечтою в то время, когда прискакал к нему в замок, под парламентёрским флагом, передовой гонец с известием, что следом за ним едет из Берлина посланник короля прусского к Яну Капистрану, верховному повелителю Ладовского государства.

Остолбенел от удовольствия шляхтич, узнав, что гордый победитель Австрии так легко признал его державные права, и что король прусский сносится с ним через своего посланника.

Гонцу было объявлено, что королевский посол будет принят в Ладове с честью, подобающею его высокому званию.

Едва только уселся пан Лада на своём троне, как в залу паном Онуфрием был введён прусский посланник, в полном мундире, в ленте, в звёздах и орденах. Посланник, как мы сказали, принадлежал к числу учёных своего времени, и потому знал весьма недурно латинский язык, на котором он и

начал объясняться с ладовским державцем.

"Во мне, высокий государь, – начал генерал, – вы можете узнать начальника того войска, которое потерпело поражение в ваших владениях. Теперь же мой августейший повелитель прислал меня к вам, чтобы выразить вам извинение по поводу несправедливого вторжения в вашу державу, вторжения, происшедшего от дурно понятых мною предписания его величества. Вы одержали три победы, доставившие вам громкую славу и дружбу короля, который тоже, как вам известно, пользуется во всей Европе военной славой, несмотря на некоторые испытанные им неудачи.

Король чтит вашу храбрость, ваше мужество, ваши военные дарования и, по свойственному его великодушию, ищет не мести, но дружбы и мира с вами, как с достойным своим соседом. В подтверждение же моих слов, король соизволил прислать вам со мною собственноручное письмо, а мне дать лестное поручение приобрести для него вашу дружбу".

Все из присутствовавших, которые могли понять эту речь, были поражены изумлением, и только один рассудительный канцлер недоверчиво покачивал головою. Между тем, пан Лада прочитал сам и при помощи канцлера стал переводить во всеуслышание письмо короля Фридриха, написанное превосходною латынью. Письмо это приблизительно было следующего содержания:

"Любезный и дорогой наш брат и государь! Посылаем вам наше королевское приветствие и просим вас быть нашим

другом. Мы питаем особое уважение к вашему мужеству. Таких героев, как вы, должны покорят не мечом, но любовью, и потому мы, имея непреодолимое желание познакомиться с вами лично, приглашаем вас пожаловать ко двору нашему в Потсдам, где мы найдём средства устроить наши дальнейшие отношения. На случай же, если вы, судя по началу наших отношений, опасаетесь дерзости со стороны наших подданных, мы посылаем вам охранительную грамоту, которая доставит вам свободный проезд и должные почести во время вашего путешествия в Берлин и обратно, и вместе с тем королевским нашим словом удостоверяем вас, что в небытность вашу не будет предпринимается никаких мер против независимости ваших владений от нашей короны".

Королевское письмо произвело всеобщий восторг между приверженцами пана Лады, и только немногие из них, люди уже чересчур запальчивые, советовали пану Ладе отказаться от всяких сношений с королём; другие же напротив изъявляли желание отправиться в Берлин в свите пана Лады.

Самолюбие слишком сильно заговорило в сердце шляхтича, и он захотел, если не окончательно сделаться независимым владетелем, то быть по крайней мере другом великого государя, на которого вся Европа смотрела тогда с каким-то благоговением. Пан Лада решился принять предложение короля и собрав всю свиту из самых важных и молодцеватых шляхтичей отправился в столицу Пруссии.

Вести об этом донесли в скором времени в Варшаву до короля Станислава Августа, который в это время приготовлялся к поездке в Канев для свидания с императрицею Екатериною. Услышав любопытные подробности о пане Ладе, а также и о его победах, Станислав Август призадумался, и в заседании тайного совета предлагал ободрить смелого шляхтича, и даже помочь ему денежными средствами и военными снарядами. Говорили даже, будто бы Понятовский собственноручно писал к пану Ладе, изъявляя желание увидеть его и приобрести его дружбу. Съездить в Ладов с королевскими предложениями было поручено молодым ветреникам того времени, потерявшим при весёлом дворе Станислава Августа всякую энергию. Королевские посланцы обыкновенно ездили медленно, в тяжёлых, спокойных каретах; они беспрестанно останавливались для ночлегов, и в каждом городе или местечке наряжались как куклы, пудрились и ухаживали за красавицами. Вследствие этого, королевский посланец приехал в Ладов, спустя уже неделю после отъезда пана.

Ладовский замок был пуст, и только, как свидетели воинских подвигов пана Лады, оставались следы укреплений. Запоздавший панич увидел свою оплошность и погнался было за паном Ладой в Пруссию, желая передать ему королевское послание, но и тут ему не посчастливилось: пруссаки заподозрили его в шпионстве, схватили и засадили в крепость Шпандау, где он отсидел довольно долго в ожидании свободы.

Съезд в Каневе, имевший, как известно, целью ослабить могущество Фридриха Великого, устраивался с большою таинственностью. Но блестящая свита придворных и рой королевских любовниц разглашали все дипломатические тайны, так что король прусский знал обо всём и успевал принимать меры, а потому едва только он слышал, что в Варшаве думают сделать из смелого шляхтича Лады орудие против его планов, как предупредил Понятовского и сумел склонить смельчака на свою сторону.

Между тем пан Лада совершал торжественный путь; мелкие почести усыпляли его, и любопытные толпы народа собирались на станциях, чтобы взглянуть на пана Ладу, как на какое-то чудовище. Генерал, сопутствовавший пану, торопил его с особенным усердием, уверяя, что король нетерпеливо ждёт своего знаменитого гостя, а между тем, тотчас по проезде пана Лады, опускались шлагбаумы и пресекались все сообщения с Польшей. После восьмидневного путешествия, владетель Ладова увидел резиденцию своего нового друга. У берлинской заставы ждала его королевская карета, а навстречу ему был послан королевский адъютант с разными любезностями. Гостю Фридриха Великого было отведено помещение в роскошных покоях королевского дворца; здесь он отдохнул после дороги и на другой день отправился в Потсдам, где в ту пору находился Фридрих. Прибыв в Потсдам, он окончательно смутился и начал уже раскаиваться в своём приезде, предчувствуя, что ему трудно будет устоять против

искушений.

Предчувствия пана Лады сбылись на самом деле. Фридрих отлично понял всю суетность шляхтича и сообразил, что с таким простаком легко совладать при пышном и хитром дворе.

Король встретил своего гостя разными любезностями, и ласки Фридриха окончательно покорили сердце пана Лады, который тотчас же объявил, что считает за счастье знакомство с полководцем, занимающим первое место после Юлия Цезаря.

Веселясь с немцами на разные способы, добродушный шляхтич легко сблизился с ними, и спустя несколько недель после своего приезда принял от короля титул графа и орден Чёрного Орла. Когда же ему предложили на выбор государство, к которому он желает присоединиться, то пан Лада объявил решительно, что не хочет отделяться от своей родины. Но король уже достиг своей цели: он приобрёл себе сочувствие в человеке, имевшем тогда сильное влияние на своих соотечественников, и тем самым искусно разрушил одно из предположений каневского съезда.

Возвратившись в своё государство, шляхтич немедленно перенёс межевые столбы к новому руслу ручья, и таким образом, присоединившись опять к Польше, отказался навсегда от своей политической независимости. Но тяжело было пану Ладе, после пиршеств и побед, сжиться опять с деревенским затишьем. Он никогда никому не показывал ни

графского диплома, ни полученного ордена, а шляхта, видя смирение пана Лады перед пруссаками, терялась в догадках и делала различные, иногда даже оскорбительные для него предположения.

Всё это мучило пана Ладу, и когда кто-нибудь напоминал ему о его государстве, он видимо терял весёлое расположение духа.

Прошло ещё несколько лет среди этой томительной жизни, началась борьба Речи Посполитой с её соседями, и вскоре пан Лада сложил свою седую голову.